

Светлана Леонтьева

ВОЗДУХ атлантиды

СОВРЕМЕННАЯ ЛИРИКА

12+

СВЕТЛАНА геннадьевна ЛЕОНТЬЕВА

Воздух Атлантиды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53434870

SelfPub; 2020

Аннотация

Светлана Леонтьева – член Союза писателей России, дипломант национальной премии "Золотое перо Руси", "Созвездие духовности", "Бриллиантовый Дюк", фестиваля "Интеллигентный сезон", лауреат премий "Уральские горы", "Лучшие строфы столетия", "Литературный глобус", главный редактор альманаха "Третья столица", автор 31 книги прозы и поэзии. В новую книгу стихотворений вошли циклы из "Книги выживших", "Ворота моей Фиваиды". ... "Находя пустоту. Не тебя. Умирая, как люди, от вирусов, заходясь в карантине, как в Болдине – Пушкина поприще! Взперти. В одиночестве даже с людьми. Ну же, смилуйся, появись! Сколько в мире миров, одним росчерком!" Ответы на вопрос – есть ли пророк в своём отечестве? Он есть. Если вдуматься и вчитаться.

Как поместить мне в горлышке безбрежном,
вот в этом стилусе античном боль свою?

Глаза открою ли, закрою вежды,
одна картина, никакой надежды:
отца предавший, подлый Юней Брут!

Всего большее, ежели свои,
родные, близкие, любимые навеки
поссорились, когда идут бои,
дитя, я обниму тебя – ты в спину стек мне,
он тоненький, из пластика, стекла,
из меди. Боль, как ножик, зла,
и сквозь меня текут, плескаясь, реки.

Бывают бывшие друзья, мужья, враги.
Но бывших нет отцов, детей и внуков,
нет бывших матерей! Ты, Брут, не лги.
Зачем сцепил свои ты кулаки,
под тогою пронёс удар двурукий?

И вот теперь из раненой строки
не выдохнуть мне человечьи муки!

А лишь один большой звериный рык
из перерезанного горла, неба, века...

Сложилось так, что близкие, кто встык
с тобою связан, бьют большее, детка!

Дитя, тебе бы отдала я жизнь,
дитя, тебе свои бы Рим и царство,

Москву, Сибирь, куда не надо виз
да с барского плеча бы по-боярски,
скажи, чего хотел? Чего боялся?

А, впрочем, поздно – Цезарь мой убит!
Я думала, что с близкими ни щит,
ни плач, ни конь, ни маскхалат не нужен.
Что спину обнажить не страшно, друже,
не выжгут звёзд и не воткнут оружие.
...Но растекаются под мертвым телом лужи
кровоаво-красные, они такой же группы,
как у тебя. И в телефоне скупо
две эсемески (горше нет минут).
Ты тоже, Брут?

...И всё равно прорвёмся! Нам ронять
на травы капли крови не впервые!
Я так люблю – как пуля сквозь меня
от снайпера, разящая, навывлет...
Люблю в последний раз я! Не нова
любовь поэтава. Мне в горести виднее!
Я всё равно с народом, как трава,
как перегруженная вирусом Москва,
за русскую сражаемся идею.
А между смертью и рождением столько лет,
что можно выстроить кафе и мавзолеи,

дома, дворцы, дороги, галереи.
Я так люблю весь огненный мой свет!
Что эти апокалипсные дни,
что эти апокалипсные ночи.
Как будто бы предвестники. Кусочек,
что может быть жесточе, одиноче,
коль не опомнимся!
Люблю тебя! Качни
обратно маятник, ножи вынь, пули, оси.
Гляди, как нас косою безумно косит,
младенцев, стариков, невинных их!
Что хочешь, чип мне в лоб иль карту гостя,
хоть в позвоночник, мускулы и кости,
но лишь ни этих улочек пустых!
За что, за что удар нам всем под дых?
Исподтишка? Как вырыдать нам крик,
как выветрить, как высушить, как выгрызть?
Нам – вровень с веком, нам с народом встык.
Я так люблю, что мне не страшен вызов
на родину дерзнувших палачей.
Идите лесом! Полем! Барбарисом!
Нам столько в гены впрыснуто ночей,
Иисусовых гвоздей, свечей, очей
и хлеб блокадный! Брестом – быть привычно!
И очищать от скверны мир токсичный,
объевшийся-опившийся, черничный,

под бубны, пляски, вопли, улю-лю.
Любовь спасает. Я тебя люблю!

Родись заново, человек Руси всяя!
Из земного праха, семени, солнца, распятия.
Я готова в себе, в чреве нежном тебя,
коль дитя ты, вынашивать, снова стать матерью.

Через муки пройти родовые. Гляди,
уже в потугах женских лицо, тело плавится!
Молоком набухают соски, резь в груди,
пахну яблоком, сливою и шоколадницей.
Перехвачено тело тугою парчой,
под рубашкой, разъехавшейся возле горла,
крик родильный, гортанный, всё небо – свечой
прожигает меня так, как есть, горячо,
позвоночник хрустит костью твёрдой.
Нам не надо обратно в наш день и в наш век,
человек земли всей, народись, человек!
Рви ты с веком глухим пуповину!
Вспомни кто ты! Руси ты всяя верный сын,
воин вещей державы, её гражданин,
сердце выну
для тебя – леденящее – цветом рябинным,
для тебя его сталь, его сплав исполинный.

Вспомни космос – туда мы крылато летели,
нам не надо в века, что глухи, как туннели,
нам не надо в века, что слепы, точно пули.

Мы к вершинам хотели.

Мы горы носили.

Так зачем мы страной всюю вспять повернули
во офшоры, в карманы чужие, в могилы.

Коль у нас есть священо сакральные тексты,
память есть атлантидовая: где мы вместе.

Человек человеку – гортанная песня,
а не тридцать серебряников, что на экспорт.

Вот я чую. Уже тридцать лун и три ночи,
ты родись, человек, Руси всей сыночек,
в Русь царя Македонского в пурпуре терций,
в чистоте первой правды, утопий под сердцем.

Помни имя Корчагина Павки и Зои.

Помни звёзды, которые выжгли на спинах.

У тебя будет имя навеки героя

во святынях.

А пока ты лежишь в пелене своих кружев,
мой Павлуша.

«Так сходят с ума, – повторял Вронский...»

Из романа Л. Толстого « Анна Каренина»

...роман весь целиком, роман весь в шрамах,
особенно когда в последней сцене,
вот если б ты любил земным всем шаром
вот если бы. Ни более, ни менее.
Вот если б всей душой, вот если б, если б...
Но, Анна, Анна, разве так бывает?
Давай подружиться, попробуем всё взвесить,
тогда под поезд ни к чему, ни под трамвай!
Из двадцать первого я века восклицаю,
из двадцать первого я века, где зима и
такое ж общество! Бомонд. Твит. Фээсбуки.
Сеть социальная. Имущих власть, имевших.
Препоны, губернаторы, ЖЭК, Дуки.
Разочарованные! О, как много женщин
не то, чтоб бескультурных. Но в культуре.
Не то, чтобы бездарных, но почти что!
Из двадцать первого я века – в черно-бурье
и в кашемировое завернулась, шкурье,
чтобы не слушать! Больно, больно слишком!
О, если б, если б этот самый Вронский
да с пересчётом ровно на два века:
вот также бы в любви водоворонку
увлёл меня б румяную от снега!
Увёл. Уговорил. С пути содвинул.
Убил бы память. В сердце – медь с шипами!.

А сам бы, не дай Бог, как дворянину, –
война ж кругом!

Нельзя остаться, – в спину
ему б кричала, кинувшись: «Я с вами!»
О, милый, милый! Родненький! Любовник!

Терновник! Слива-ягода! Остаься!

И – тело под ноги ему б своё смоковье,
и груди белые ему бы, уст багрянцы!

О, если б я была Карениною Анной!
Безмерною, ревнивой, бесшабашной,
непризнанною обществом, незваной
на бал, на скачки, где Фру-Фру изящна.

В извечном, пряном, непогибшем смысле,
где мир весь-весь на гибких, скользких плитах.

О, если б лучшей женщиной! Чтоб письма
читать любовные, не эсэсмески. Титул
носить «её сиятельство», сиять бы

и не померкнуть! Несгоревший ужин,
не выходить из этого романа,

не выходить из этой недосвадьбы,
не выходить, где луч до боли сужен.

Да что там луч? Из фобий, страхов, маний,
из жёрл, помолов, из петель вокзалов,
из всех ролей, театров и антрактов!

Лишь только слышать: как там дребезжало
всей нотой «до» простуженного такта!

Глаголь, народ мой, обо всём глаголь!
В музее Пушкина в снегах струится площадь.
Глаголет каждый камень, город, роща.
О, мне вот так бы выглаголить боль!
Когда я в «Скорой помощи» – поёт
стихами Пушкина моя кардиограмма.
Она глаголет веще и упрямо.
Глаголь, глаголь, в глагол вмести былё,
весь задыхающийся ритм мой, брызги света
из неубитых строк убитого поэта.
И «Скорая» меня везёт, где площадь.
Аттракцион. Детишки. Мама. Лошадь.
Глагольны все! Глагола остриё
впивается мне в жемчуга предсердья.
Ни встать. Ни выдохнуть. Ни выхаркнуть. Ни сесть мне.
И Белым морем город мой плывёт,
а пред глазами русский весь исход
от расселенья руссов, арий, скифов
и Гавриил Романовича мифы.
Глаголь. Глаголь! Вопит во мне народ.
И закипают самовары медные
в моей груди всерусскими победами.
Морошку, клюкву, яблоки и мёд
подкладываю между я беседами...

А после, после, Боже, с пистолетами
дуэль на Чёрной речке. Падай, свод
теперь в любой глагол. Рифмуй глаголы.
Нет дела никому до высшей школы,
до высшей сферы, млечного пути.
Могу сказать одно: «Поэт, прости,
разверзший небо до земной кости,
до раны!»

Все молчите вы доколе.

Лишь истинному можно так глаголить.
Лишь подлинному в нашу Русь и вдоль.
Ты почивал? Вставай, поэт! Глаголь!

Всего два дня, а, кажется, все сто.
Так медленно восходит солнце в Нижнем!
Так полнебно! Пушкина пальто
немного запылилось. Знойно-рыжий
луч на окне. В гостинице, вот здесь
в её котле, в её глубоком чане
вы, барин, барин, просто почивали.
А нам как быть? Откос, овраги, съезд
кидаются с размаху под колёса.
Не быть поэтом это разве просто?
О, правда ли, как под ружьё не лезть?
О, правда ль, не давиться чтоб тоской?

О, правда ль, не вмещать в груди, чтоб город?
Коль умираю каждую строкой,
занёсшей надо мною жаркий молот.
Наверно, лучше не поэтом быть,
о, кто бы научил – не быть поэтом!
Вот здесь в гостинице – два века лишь ходьбы –
был Пушкин в день сентябрьский, в бабье лето!
И в ночь сентябрьскую. Так долго почивать
ужели сладко? Солono? Рябинно?
Широкая, старинная кровать,
и в доме пахнет ягодой, малиной,
бараньим жиром, луком, чесноком,
тулупом из овчины. Плачут дети
у ключницы. Мы позже козырнём
тузом и дамой пик. Поэт в ответе
за этот Божий и предБожий мир.
За христианский, до языческий, до звёздный.
Но здесь, в гостинице – гусаровый мундир,
но здесь в гостинице – в слова спекались слёзы.
Но здесь, в гостинице, как в чреве расписной
кометы Галилея век от века,
стекало, проникало, словно в пекло
в её огонь тугой, огонь сквозной.
Я много раз бывала в городах
различных и в гостиницах бывала.
Но сердце чтоб выламывать вот так

и город, чтоб держать кипящий шквалом,
ах, нежалеемый, вы пожалейте, что ль!
Истерзанный, вы не терзайте, что ли!
Всего два дня...но жизнь, но смоль, но боль,
о, Господи, иной не надо доли!

Я – дочь трудового народа. Клянусь!
Быть. Сбываться. Отстаивать. Защищать!
Мою святую чистейшую Русь.
Её распрекрасие. Стать. Благодать.
От этой злосчастной пустой демократии,
от волчьего щёлканья мин на полях,
на горле, от этих когтей грубых, сжатия,
клянусь, что не дрогну! Не сдамся в боях.
Все плахи – на вынос. Штыки все – на вылет.
Чего вы твердите, что мантру, враги,
что вспороты наши Икаровы крылья?
Что в наших раненьях не видно ни зги?
Что в наших сказаниях – лишь темень небесная.
Ни тьма – а высоты!
Ни темень – а свет!
По-вашему лишнее и бесполезное,
ненужно цветастое, пропасть над бездною,
и что нас – вселенских, Атлантовых – нет.
Как Китежа нет. Атлантиды. Бореи.

И что за страна эта – дивная Русь?
Что ищет во всём справедливость? Роднее
нет поисков. Нету пыльцовой, хмельнее,
я – дочь трудового народа, клянусь
что было из шёлка, из алого ситца
полмира. Полцарства. Жди парус, Ассоль!
Жги –
Русь очерняющих, грязных страницы!
Историю нашу порочащих. Спицы
вставляющих в рёбра! Орущих «jawol»!
Я – дочь трудового народа. Я – соль.

Мой дед был замучен, истерзан в концлагере,
а бабушка с голода пухла в Сибири.
Мы верили в лучшее, ибо мы – факелы.
Мы больше. Мы выше. Мы новей. Шире.
Спасительней мы. И творительней в мире.
Запомните наши учения русского!
Уроки истории. Правды. И мускулов.
Ботинок Хрущёва, покажем, мол, кузькину!
И, вправду, клянёмся! А вы целым миром,
как будто борделью, как будто трактиром
хотите, безумствуя, править сквозь космос.
Не будет по-вашему. Нет.
Мы клянёмся!

Пока птицы, рыбы, лисицы вымирали, как вид,
пока мы ели птиц, рыб, лисиц, как котлеты.
Посмотри, как земле хорошо, не болит, не свербит,
посмотри, как без нас ей, как солнечный мир фиолетов!
Камни, скалы и ветер. О, только не надо мне лгать.
Ибо чувствую ложь. Не помогут ни стены, ни двери.
Хорошо всем без нас! Этим рощам, лесам и лугам,
даже вымершим видам животных из прерий...
Понимаешь, мне было так больно – убитой от чувств
оттого, что тебя не увижу. Теперь все не видят!
Словно в сердце впаялись осколки миров – слышу хруст,
словно сердце несёт на ладонях, пророча, Элпидий.
Словно мне нано-чип по ошибке внедрили не тот,
с каждой нотой я глохну Бетховенской лунной сонатой,
словно как Микеланджело я отираю свой пот,
чтобы камнем кричать неотёсанным, камнем горбатым.
Словно в мысль о тебе мне внедрили незримую боль,
чтоб пыталась не думать, коль видеть не надо пытаться,
и не только к тебе, за пределом тебя – всё любовь,
измеряемая в излучении сверх радиаций.
Измеряемая в децибелах Вангоговских, пазух ушных,
никакой антидот не поможет, былина, загадка, потешка.
Ну, бывает же так: твоя мама, любовница ли позвонит,
а ты им вопреки говоришь, как орёл или решка,
что мы сбудемся. Что мы друг в друга насквозь проросли

в вымиравшем мире, где всё апокалипсис сразу!
Ты, который по пункту телесно отъятый, вдали,
в остальном весь со мной. И поэтому, милый, ты спасся!

К моему лицу так плотно приросла маска!

Как будто на Лермонтовский «Маскарад» иду, пригла-
щённая в дом Энгельгардта.

Собрались почти все: Баронесса, Шприх и Арбенин
негласно,

и проиграна карта.

И когда разрешат маски снять – я сдеру с лица кожу
и увижу, что множество мной заменили! Красивые лица,
розоватые щёки... и люди стройнее, моложе,
у меня лишь останется право в гримёрке садиться.

Все мы – мистеры икс в магазине, на улице, в лифте,
выражение глаз однозначно: ни силы, ни воли, протеста.

Семянебна реальность. И воздух настоян на спирте.

Изменяются матрицы, оси, правления, тресты.

Маскарад «двадцать-двадцать»! Довыслушать тишь, до-
носить чтоб

своё тело до шёпота и обветшаться до крика,
и чтоб снова понять в сотый раз, что разбито корыто
берестовое, льдовое и лубяное из лыка.

Если хочешь пойти, получи пиар-код по программе,
есть у всех теперь симки, есть карты малюсенький пла-

стик.

Что твориться в Нью-Йорке, Ухане, Милане, в Бергамо:
смертный бой, на который объявлен был кастинг.
Я так чувствую, словно мне выдали лёгкие, чтобы
не мои, а чужие, я ими дышала, дышала,
и мне всё было мало, вдыхала я целой утробой,
позвоночником, рёбрами, но мне опять было мало.
Ибо я выдыхала своё: моё детство, мой город, вокзала
колокольчик лиловый, подснежник и цветик мой алый.
А вдыхаю дымы, а вдыхаю я яды и сразу
всю таблицу Д. И. Менделеева серую, жгучую явно!
Вот поэтому маску к лицу я приклеила, буду до мая
мистер иксом, убитою Ниной. Я в маске – урод безобраз-
ный,
обезличена, обезустена, обезьязычена напрочь.
Перепуганный, страхом объевшийся бродит народ
невидимкою-вирусом. Церковь закрыта, лишь шабаш
разгулявшейся нечисти. Как же мне делать рот-в-рот
бездыханному космосу, чтобы ожил он, дыхание?
Без него мне не жить, в муках корчась, взывая: «Спа-
сись!».

За какие там деньги купили нас скопом тюльпаньим,
как укропа пучок ли, салата всю прежнюю жизнь?

Песнь Небесной Сороки

Проникаю во сны твои иссиня-чёрные!
Это я-то, целующая небо, не первый сорт?
Это я-то? Вокруг воробьи, сойки, вороны,
вдруг попавшая в лонг твоих списков и в шорт?
Это я-то, стирающая к тебе руки-крылья,
которые ты обрубала раз пять?

А я ими, отрубленными, в бессилии
всё пыталась тебя пожалеть и обнять?
Пригвождённая тобою к столбу позорному,
затоптанная, камнями битая! Камень твой,
как по Брайлю ощупываю я звонами,
тонко-тонко космическими камертонами.
Я – сорока! Что взять с меня, друг ты мой?
Забирай, отдаю все твои я стекляшечки,
всех «Кровавых палитр» твоих пелену,
ты, разбившая лоб о моё настоящее,
ты-то думала, мол, что я – серая пташечка.
Но царица – я!

Птица я, свет приносящая.

Я когтиста!

Я пением душу проткну!

Ты пуста, ты исхлёбана. Выклеван корень твой
подхалтурными всхлипами, дряблостью злой...

Толкования, сноски, глоссарии, комменты
все избиты, изъезжены, добыты, допиты,
твои мёртвые детки – стихи – похоронены

за высокой горой, за плакучей травой. Ой!
А точней чик-чирик. И кра-кра. Ворох-порох.
Это танец семь-сорок
небесных сорок!

Это – поезд в Одессу пылающей музыки,
задыхаюсь в дыму твоём рыбьем, медузьем,
выдыхаю я муку из дудочки строк!
Ты в висок тычешь ножик мне, саблю, клинок,
я на смоченных кровью листьях бьюсь подённо,
сорочиная песня безмерна! Бездонна!
Я – на линии Бога вцепилась в кусок!
В моём маленьком сердце пульсирует ток
небосклона!

Я по, мёртвой, тебе лишь одна только вою,
поправляя цветок над твоей головою
и прощаю я боль всех твоих кулаков,
как толкала ты в спину в обугленный ров.

Все молитвы мои, все, сколько есть, конечно, о детях,
все молитвы мои – бессвязные, слёзные – о моих родных,
говорю, шепчу, у икон молюсь, не болейте,
да минуют вас эти игрища зол мировых!
Да минуют вас эти мании, фобии, стрессы, печали,
разухабистость, кражи, обманы, суды и жульё!
Я хочу, чтоб вы встали, когда безнадежно упали,

я хочу, чтоб прощали обидевших, взявших ружьё.

Не хочу, чтобы око за око, за зуб чтобы зуб и тем паче
не хочу, чтобы первым удар. Не хочу, не хочу, не хочу!

Поля битв и сражений, майданов, безумств, революций и
стачек.

И поэтому в церкви я ставлю за свечкой свечу!

И вздымается жёлтое пламя! Прозрачное! Тонкое! Роз в
перламутре

так сияет свечение, так размыкаются звёзд хрустали.

Вы побудьте светло и надмирно, наднебно побудьте
в моих мыслях, мечтах, в моих грёзах, родные мои!

Разрываю все цепи, канаты, которые могут отъять вас,
раздираю напасти на части, на крохи, на пыль, на пыльцу.

И всем чёрным дорогам не быть! И не ставить препят-
ствий

вашим светлым дорогам по ровной стезе, по плацу!

Поддержите Христа! До Голгофы, по травам, по мхам, по
каменьям

донести на плечах изумрудный, неистовый и невозмож-
нейший крест!

Проливаюсь я в вас, в золотой ваш запас, по нетленьям,
по просторам, пространствам, в ваш мир, в ваш тугой Эве-
рест!

В ваш реестр, распечатки, закладки, Зюйд-весты, Норд-
осты,

в переезд, в переплав, в манифест и отъезд, и приезд!

Я без вас не могу! Я без вас, словно ствол без берёсты!
Я без вас, как без кожи! Тоска моё сердце доест!
Вот чему я учила: князь Невский да песнь Святогора,
про былинный я дух говорила, про старцев из монасты-
рей!

И пускай будет так. В этом мире я только опора,
что из светлых светлей, из надёжных и добрых – добрей!

Ты сжигаешь мосты, ты взрываешь мосты,
доски плавают хрупкие, жухнут листы,
дыма чёрного в воздухе корчится хвост.
Я – на том берегу! Мне так нужен твой мост!
Тварь дрожащая – я. Каждой твари по паре,
я тяну к тебе руки в бесстрашье, в угаре,
пламень лижет мне пальцы огромным горячим
языком. Тебя вижу я зреньем незрячим!
О, котёнок мой, слоник мой, деточка, зайчик.
Каждой твари по паре! Откликнись... Я плачу...
Плеск огня. Руки – в кровь. Я зову. Ты не слышишь!
Голос тонок мой. Тонет он в травах камышных.
А народ напирает. Старик тычет в спину
мне сухим кулаком, тащит удочки, спиннер,
и тулупчик овчинный его пахнет потом,
и картузик блошинный его терракотов,
а у бабушки той, что вцепилась мне в руку,

что истошно орёт, разрывает мне куртку,
вопрошая: «Украла! Упёрла! Спасите!»,
и солдатик щекой прислонился небритой.
Ах, народ мой! Любимый! Не надо... не надо!
Я оболгана, но погибаю – взаправду!
И взмывается тело над пропастью, бездной,
словно мост, что сожжён, что расплавлен железный.
И хрустит позвоночник. И плавятся кости.
Пляшут ноги по телу. Впиваются трости.
Гвоздяные колючки. Копыта кобыльи.
О, как больно! Меня на вино вы пустили.
Проливаюсь я, льюсь виноградной ванилью,
кошенилью да шёлком, Чернобыля былью.
Две земли предо мною. Два неба. Две части.
Их связую в одно. Каждой твари – по счастью!
Каждой твари по слёзке, по пенью, молитве.
Моя песня нужна, я за песню убита.
Я за песню разъята. Разбита. Разлита.
Моя жизнь пролегла по-над раной открытой,
по-над пропастью между любовью и битвой,
по-над пропастью между мещанством и высью,
сребролюбием, щедростью и не корыстью.
Терриконом, Элладой, наветом, заветом.
Темноту освещаю собою, как светом!

Полка книжная в складках таилась буфета
наряду со всем прочим, с дешёвой стекляшкой.
Было невероятное, терпкое лето,
были в вазочке из-под зефира конфеты.
А буфет возвышался вальяжно, что башня.
Он, как будто бы врос в нашу комнату, в нашу
немудрёную жизнь. Он был – фарс. Он был – кредо.
Он – фасонщик. Стиляга. Большой, черепаший
в его ящиках, словно в кладовых кармашках
было всё! Наши, ахи, паденья, победы.
Дайте Фета! На полке есть томик потёртый,
у буфета – так много звучания Фета!
Колокольчик гремучий, как будто в аорте
тихо плещется кровь травянистого цвета.
Сундучок мой! Симаргл мой! Бова Королевич!
Лакированной кожей обтянут как будто.
Не его ли картинно представил Малевич –
этот спорный Малевич – квадрат перламутров!
«Я пришёл рассказать», о действительно – солнце!
О, действительно мода на шляпы из фетра,
о, действительно то, что навек остаётся,
то, что не продаётся за тридцать червонцев!
Мода на человечность! На то, что не бьётся!
Мода шестидесятых на книги, на Фета.
Евтушенко, Высоцкого, Галича мода.
Мы читали. Мы были пронзительно чисты.

В нас навеки запаяны вещие коды.
Замурованы в нас школьных зорек горнисты.
Веру мы перельём, как в буфете в посуду,
что сияла гранёно, размашисто, пёстро:
из того, из бывшего была я и буду.
Хоть распалась страна на осколки, а острый
пригвоздился мне в сердце. И не оторваться!
К смыслам чистым! Живу я от Фета до Фета!
Гвозди в венах, как строчки. В сибирско-уральской
в этой полуязыческой власти буфета!
Я – бу-фетчица, фетчица. Тоже "с приветом"
к вам пришла "рассказать то, что солнышко", то что
я храню в отголосках
зарубки, заметы,
книги, скарб, узелки, письма, марки, что с почты,
где бы я ни была в этом мире, не в этом,
мне буфет светит ярче, чем в небе кометы!
Мне мучительно к этому соприкасаться,
но мучительнее это всё мне не трогать,
я пытаюсь сдержать эту близость дистанций,
я всей зоркостью слепнуть пытаюсь, но пальцы
помнят дверцы и ящички этих субстанций!
Скрипы, шорохи, звоны и трели буфета.
...Оттого наизусть помню я стихи Фета

...И вот тогда мои прозрели пальцы!
Я так хотела выбраться из снов.
Как я смогла так крепко вмуроваться
в века иные, в камни городов?

В их всхлипы? Пеплы? Карфагены, Трои?
В до христианстве песнь пою Эллад!
Ищу себя везде: где травяное,
древесное моё, моё речное?
Земля земель? Начало. Фразы Ноя
я перечитываю: как они звучат.

Как не шадят, как попадают в прорезь
высоких гор, впадая в Арарат.
Всё, что моё: предметы, вещи, пояс.
Прозрели руки! Зрячим стал мой голос.
Земля моя прозрела, дом, мой сад.

Раздвину камни. Из груди – все плачи
я вырву с корнем. С горлом – все слова.
А это значит: руки, сердце – зрячи.
Что я жива!

Никогда моё имя ни вслух и ни всуе,
даже возле, где имени свет – никогда!

И под именем! Там, где заря прорисует
эти жёлтые ниточки, жгутики льда.
Даже в водах его тёплых, околородных,
где рождается слово, как будто дитя!
Никогда моё имя! В нём годы и годы,
в нём века! Даже камень в него! Коль хрустят
позвонки его! Сердце дождями стекает.
Вымуровывает моё имя меня
из-под пеплов, завалов, Гомера, из камер
в магазинах, на улицах. Не было дня,
чтоб без этих завистниц прожить мне. Ну, хватит.
Моим именем ангел три неба подпёр!
Хватит дёгтем ворота вымарывать, платье
обсуждать, за седьмую пусть буду печатью.
Я – не Бруно Джордано, чтоб так вот – в костёр!
Чтобы пламя своим языком моё тело
облизало, обьяло: живот, ноги, грудь!
Я – не город Калязин: топить меня в белом,
невозможном младенческом мареве спелом,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.